

А были ли бэкстейджи?

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_232

Давным-давно, года за полтора до начала перестройки, я оказался переводчиком сборной челябинской группы деятелей «народного творчества» на гастролях в ГДР. Музыканты, танцоры, певцы выступали перед сдержанной немецкой публикой, а несколько советских профсоюзных и клубных функционеров ими руководили, их организовывали и контролировали. Возглавлял гастрольно-туристическую группу начальник городского управления культуры. Почему-то он проникся ко мне симпатией и взялся опекать меня. Однажды, во время переезда из одного города в другой, он стал расспрашивать меня о моих планах на будущее. Узнав, что я мечтаю о научной карьере, он неожиданно спросил меня, умею ли я употреблять алкоголь не пьянея. Ведь в нашей стране, утверждал он, все важные договоренности достигаются во время застолья, и если ты быстро хмелеешь, грош тебе цена. И стал подробно рассказывать, как пить много и оставаться трезвым, в каком порядке закусывать, чем и в каком количестве.

Эту историю я вспомнил, читая статью о бэкстейджах. Ее авторы напали на «золотую жилу», обнаружив этот феномен «теневой социальности», вездесущий и одновременно неуловимый. Это заявка на важный шаг в объяснении такого по-прежнему загадочного явления, как относительно исправное функционирование советских институтов и роль «рядовых» советских граждан в их работоспособности. В успешности предложенного концепта я не сомневаюсь.

Мне хотелось бы поделиться ощущениями, которые я испытал при чтении этой захватывающей статьи. Именно ощущениями, поскольку я не мог воспринимать ее исключительно как исследователь, рассудочно холодно и отстраненно. Мне было слегка за тридцать, когда скончался Советский Союз. В 1970—1980-е, которым в значительной степени посвящен текст о «закулисье» литературного производства в СССР, я шагнул из детства во взрослую жизнь, включая учебу в университете, брак, рождение ребенка, работу в школе и вузе, защиту кандидатской диссертации. И как мне кажется, многое из того времени помню очень отчетливо. Но вот сколько я ни силился, никак не мог припомнить эпизоды, в которых я оказывался участником обсуждения писанных и неписанных правил функционирования тех или иных институтов и обществ, с тем чтобы этим правилам обучиться, их обойти или изменить. Эпизод с обучающим монологом руководителя гастрольной группы в ГДР (это даже не был диалог, я сидел и помалкивал) вспомнился мне среди пары других, потому что так или иначе напоминал описанные в статье коммуникативные моменты. Думаю, я вспомнил эту историю, поскольку о ней неоднократно рассказывал. А делился я этим воспоминанием, наверное, потому, что это был случай, довольно необычный по ситуации (зарубежные гастроли), по участникам (номенклатурный функционер и молодой школьный учитель) и по содержанию (овладение секретами застолья как залог успешной карьеры).

Более того, я не мог вспомнить случаи бэкстейджей, этих «нечаянных “поломок” в коммуникации, основанной на неписанных правилах», и в более

зрелой жизни. А это очень странно, потому что, будучи университетским преподавателем и научным руководителем, ученым секретарем диссертационного совета и директором исследовательского центра, я должен был вести доверительные разговоры о правилах, об их использовании и корректировке с коллегами и студентами, аспирантами и докторантами, начальниками и благотворителями. Я должен был, например, многократно подсказывать подопечным, как следовать научным ритуалам, не выглядя при этом смешным и нелепым, как письменно и устно формулировать и репрезентировать тексты без риска быть неверно понятым. Но нет, конкретных эпизодов, которые я мог бы описать так, как монолог начальника отдела культуры, не могу припомнить.

Вороша индивидуальное прошлое, я гораздо яснее вижу ситуации обучения неписаным правилам, в которые я то и дело попадал, работая за рубежом, начиная с 1990-х. Я оказывался в пространстве чужих культур, освоение которых не ограничивается знанием языка страны пребывания. Будучи взрослым человеком, я входил в роль ученика. Интенсивный, нагоняющий учебный процесс по усвоению системы координат в «чужих» повседневных правилах университетской и внеуниверситетской жизни сопровождался многочисленными курьезными историями «сбоя» коммуникации, в которых и проявлялись правила.

Ограничусь лишь одним примером. Как-то мне понадобилось без традиционной договоренности о времени и месте встречи срочно увидеться с профессором немецкого института истории, в котором я тогда работал. Узнав от секретарши, что он как раз принимает экзамен у себя в кабинете, я уверенно направился к нему. Секретарша в ужасе преградила мне дорогу. Нет-нет, заходить в кабинет нельзя. Это помешает сдаче экзамена, усилив и без того непомерный стресс студента.

Реакция секретарши на мое намерение меня изумила. Тот, кто сдавал или принимал экзамены в советском или постсоветском вузе, хорошо помнит, что эту процедуру то и дело нарушали сотрудники экзаменатора, запросто заходя по какому-нибудь поводу в аудиторию с несколькими студентами, готовящимися к выступлениям, и одним испытуемым, сидящим напротив преподавателя. В немецком университете процедура была другой. Экзамен сдавала не группа, а лишь один студент в заранее назначенный день и час. Сам экзамен представлял собой не развернутый ответ на вопросы, вытянутые по жребию, а долгий диалог о задолго до экзамена определенных темах. С этими правилами, которым сам я затем неукоснительно следовал, я познакомился в ситуации их нарушения по незнанию. Вероятно, это и есть типичный бэкстейдж.

Но вернемся к вопросу, который проблематизирует не только беспокойство человека по поводу сбоя работы собственной памяти, но и представляет академический интерес. Почему интервьюируемые участники бэкстейджей не помнят таких ситуаций? Почему они утверждают, что все всё понимали и не нуждались в обсуждении правил для их приспособления к той или иной ситуации?

Авторы статьи дают несколько ответов на эти вопросы. Признание участия в «поломке» коммуникации равнозначно признанию недостаточной собственной компетенции, считают они. Бэкстейджи были импровизацией на конкретную ситуацию и не вели к изменению системы. Кроме того — и этот

аргумент представляется наиболее убедительным — бэкстейджи были вплетены в рутинную повседневную коммуникацию, были ее «полусознаваемой» частью.

Мне кажется, о причинах неуловимости вездесущих, по убеждению авторов статьи, бэкстейджей можно и нужно подумать еще. Вероятно, не следует сбрасывать со счетов специфические кондиции конкретных участников бэкстейджей. Например, степень их конформизма, «смекалку», наблюдательность и обучаемость. Наверное, я был и конформистом, и тем, кто ловит сигналы на лету, без их обсуждения, и даже считает их с поведения визави, без вербального оформления послания.

Кроме того, ситуация бэкстейджа сама по себе благоволит процессу забывания. Она может быть описана в категориях, использованных еще в 1960-е годы П. Бергером и Т. Лукманом. Хотя повседневность представляет собой хрупкую «конструкцию на границе хаоса», человек воспринимает и переживает ее благодаря ряду регулирующих механизмов и структур как упорядоченную, длительную и устойчивую. Главную роль в поддержании стабильности воспринимаемой индивидом «субъективной реальности» играет его регулярная коммуникация с окружающими в устойчивой социальной среде. «Субъективная реальность того, что никогда не проговаривается, оказывается шаткой»¹. Читай: эпизоды, не обсуждаемые в дальнейшем, легко забываются. Две описанные выше истории, типологически близкие к бэкстейджу, запомнились, потому что в дальнейшем я неоднократно рассказывал их как забавные анекдоты.

Чаще же эпизоды бэкстейджа не проговаривались, вероятно, по причинам, описанным авторами статьи. Вспоминать их могло быть стыдно. Резон рассказывать о них снижался нежеланием подвергнуть неприятностям другого участника (или других участников) доверительного разговора, во время которого критиковались действующие правила и обсуждались возможности их ситуативного подновления или преодоления. Бэкстейдж не вел к пересмотру системы и не порождал нарратив о преодолении обстоятельств, которым можно было гордиться и хотелось бы поделиться. Коммуникативный эпизод был импровизацией в конкретной ситуации с конкретными участниками, меняющимися от случая к случаю и вряд ли создающими для вспоминающего рассказчика устойчивую социальную среду со «значимыми другими», если еще раз воспользоваться инструментарием социологии знания Бергера и Лукмана.

Конечно, изучение неформальной коммуникации ставит массу вопросов, которые нуждаются в дальнейшей проработке. Чем отличаются, например, ситуации слома коммуникации за пределами литературного производства, в других сферах позднесоветской действительности, а также в более ранней советской и более поздней российской повседневности? Всегда ли можно считать бэкстейджами эпизоды неформальной коммуникации о правилах за пределами советского и постсоветского пространства? Например, ситуации обучения неписаным правилам у законопослушных немцев?

Но, возможно, в случае бэкстейджей мы имеем дело с классической эпистемологической проблемой. Если рассматривать бэкстейдж не с эссенциалист-

1 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 249.

ской позиции, как фрагмент «объективной действительности», а из конструктивистской перспективы, как исследовательский инструмент, то «забывчивость» участников обсуждения правил получает важное дополнительное объяснение. Авторы статьи искусственно выделяют ситуацию слома коммуникации для удобства анализа механизма, с помощью которого осуществляется ситуативная подгонка неписаных правил культурного производства или происходит обучение им. Для участников же импровизированного включения в «теневую ситуацию» этот эпизод был лишь частью, возможно даже не главной частью, разговора о бытовых и профессиональных проблемах.

В таком случае применительно к открытию бэкстейджей как аналитической категории мы имеем дело с тем счастливым случаем, о котором Б. Латур писал: «Если обществоведы хотят стать объективными, они должны найти такую редчайшую, ценную, локальную, чудесную ситуацию, в которой сумеют сделать предмет максимально способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить от лица ученых, чьи интересы он не обязан разделять!»²

Вернусь еще раз к своим ощущениям во время чтения статьи о бэкстейджах. От некоторого беспокойства по поводу собственной «амнезии» я двинулся к беспокойству по поводу того, что бэкстейджи вездесущи. Нужно признать: аргументация авторов действительно очень убедительна. Мне вспомнилась в этой связи судьба других полезных и успешных в конце XX столетия концептов: дискурса, деконструкции, габитуса, культурной памяти и многих других, менее модных в те годы. Вспоминается определенное беспокойство поборников «новой культурной истории» и антропологического понимания культуры по поводу инфляции научного инструментария вплоть до риторического восклицания «Повсюду культура!»³. Помнятся растерянные пожимания плечами участников конференций по истории памяти, мифов, опыта и прочих феноменов, которые историки ранее игнорировали как внеисторические константы и домен антропологов, нейрологов, психологов и других представителей наук о человеке. Всюду память? Всюду мифы? Всюду опыт?

Конечно, успех имеет оборотную сторону. Научные открытия девальвируются, подвергаются инфляции в результате неумелого и неумеренного употребления адептами. Но это не повод заранее скорбеть о возможной печальной судьбе концепции бэкстейджей. У нее есть будущее, а это немало в нынешних условиях. С чем и поздравляю ее авторов.

2 Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С. 32.

3 Энгельштейн Л. Повсюду «Культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX—XX века // Новая русская книга. 2001. № 3—4 (<http://old.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/12.html>).